

ЛЮБИМОЕ

ЛЮБИТЕЛЯМ ТЕАТРА многое говорит имя балерины Татьяны Вечесловой. Ученица знаменитой Вагановой, друг и сподвижник Галины Улановой, она по праву входит в плеяду танцовщиц, составляющих славу и гордость советского балета. Двадцать пять лет танцевала Т. Вечеслова на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Сотни спентаклей, концертов. Гастроли за рубежом. Премьеры балетов «Красный мак», «Эсмеральда», «Бахчисарайский фонтан», «Лауренсия», «Сердце гор», «Гаянэ», «Золушка», «Медный всадник»...

Обо всем этом антриса рассказывает в книге, которую она назвала «Я—балерина». Мы печатаем одну из глав будущей книги.

Уйти со сцены — значит порвать со всем тем, что было заложено в тебе с детства, что ты любила и без чего жизнь твоя, казалось, потеряет смысл. Об этом тяжело было думать. И все же после двадцати лет работы в театре эти мысли все чаще и чаще являлись ко мне. Они «сторожили» меня то тут, то там, часто совершенно неожиданно.

Себя со стороны видеть трудно. Актер часто бессознательно убеждает себя, что он еще хорош, даже лучше, чем был, опытнее, профессиональнее. Он гонит прочь сомнения...

Шли дни, и цель, которую сама поставила перед собой, нужно было осуществлять. Через полгода я приступила к репетициям. Осенью 1951 года снова вышла на сцену.

24 июня 1953 года состоялся мой прощальный спектакль.

ЯРКОЕ СОЛНЦЕ било в растворенные окна. Со двора, с улицы доносился шум, слышались голоса людей, играло радио. Все было, как в обычные дни, и все было другим.

Андрюше исполнилось два года. Он не понимал, что происходит со мной,

ИСКУСТВО

Я пришла к нему в комнату, сидела рядом с ним и думала о том, что сегодня вечером в последний раз мои ноги прикоснутся к сцене, на которой танцевала с десятилетнего возраста. В сознании проходила вся моя жизнь. Детство, школа, театр... Радости и огорчения, тревоги и достижения, друзья, учителя, наш зритель!

В тот день мне не пришлось испытывать горечи и тоски от того, что расстаюсь со сценой. Трезво и обдуманно все было подготовлено к этому дню, к единственно верному решению. На свой последний спектакль шла, как на праздник. Я знала, что все сделаю для того, чтобы зритель, которому посвятила свою жизнь, почувствовал, что актриса принесла ему на сцену радость и счастье. Пусть люди поймут, что, кончая танцевать, я не прощаюсь с балетом навсегда, а буду продолжать свою вторую жизнь в молодых актерах. Им отдаю все свои знания и опыт, отдаю свое сердце!

В последний раз складывала свой «театральный» чемодан. Вещи ложатся привычно. Вот танцевальные туфли. «Последние, сохраню их для Андрюши как память». Резкий телефонный звонок прервал ход мыслей. Снимаю трубку. Говорил один из администраторов театра: «Татьяна Михайловна, дорогая, нельзя ли повторить юбилейчик? Уже больно хорошо сбор! Новую декаду составляю...»

Несмотря на всю сосредоточенность (я боялась хоть на секунду потерять тот мир, который царил во мне), нельзя было не улыбнуться...

Пришла массажистка, она сделала последний массаж перед спектаклем. В этот день все было в последний раз.

Раздался звонок. В комнату ко мне вошли артистки Н. Анисимова и Г. Кириллова. «Танюша, пять часов, мы приехали за тобой, подвезем тебя в театр на своей машине. Сегодня ты каждую минуту должна быть с друзьями...»

Сколько любви и внимания видела я в тот день!

Разве можно забыть добрые слова, приветствия, шутки товарищей, их трогательную заботу обо мне!

Мы вышли из дома. С двух сторон меня вели под руки мои товарищи. Тронулась машина. «Ну, в добрый час!» — сказала Нина Анисимова.

Исаакиевская площадь. Собор. Совсем недавно, 1 мая, шла здесь на спектакль «Красный мак». Так же ярко светило солнце. А вот сейчас еду в последний раз... «Рубек... — думала я. — Что-то мне готовит судьба через год, два?»

С тревогой и любовью вошла в подъезд театра. Знакомые коридоры, лестницы. (Кажется, могу пройти по всему театру с закрытыми глазами). Вот и моя уборная, открыла дверь — и не узнала свою комнату. Вся она была завешена коврами, заставлена цветами. Глубокое золотое кресло стояло у гримировального столика. Из цветов на стене была сложена цифра XXV. Глаза мои стали горячими. «Не смей, не смей, не думай, — работала мысль, — Это твой праздник, твой день!»

Не мне говорить, как я танцевала. Там, на сцене, забываешь обо всем. Лишь на мгновение возвращалась ко мне мысль о том, что это в сущности последний спектакль.

Я снова любила «все и всех», но уже другой, не такой, как раньше, любовью. Не любовью тех дней, когда впервые танцевала Эсмеральду, когда все было впереди и я с надеждой и ожиданием всматривалась в жизнь. Теперь любила иначе: не брала, а возвращала. Своим искусством благодарила и жизнь, и людей за то, что они дали мне.

ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ публики и труппы был для меня лучшей наградой. До слез взволновало приветствие учеников хореографического училища. Адрес читала Оля Заботкина, одетая в скромное школьное платье.

После спектакля состоялось чество-

вание. Мои товарищи приготовили сюрприз: все роли, сыгранные мною за 25 лет, ожили и появились на сцене. Нинель Петрова выбежала Эсмеральдой, совсем юная Ира Колпакова — Лизой из «Тщетной предосторожности», Татьяной была Г. Иванова, Заремой — Т. Базилевская, Тао-Хоа — Н. Красношеева. Их было много. Я стояла у золотого кресла и снова думала, вспоминала: вот бежит моя юность, молодость, зрелость — весь мой путь...

Вдруг в зале погас свет. Открылся люк на сцене, и, освещенная прожектором, снизу поднялась маленькая кукла — фигурка танцующей Эсмеральды. Она стояла на круглом постаменте и стремительно вертелась. Это был подарок от постановочной части театра. Куклу изготовили и поднесли мне бутылки, осветители, портнихи, парикмахеры. Зрительный зал бурно зааплодировал чудесному подарку, сделанному с такой любовью...

ОПУСТИЛИ ЗАНАВЕС. Актеры подняли меня на руки и унесли в артистическую комнату. После спектакля был прощальный ужин в фойе имени Направника. И даже в те минуты мне

не было грустно. Мы веселились, танцевали до утра, никто не хотел уходить.

— Татьяна Михайловна, — крикнул кто-то, — слышите, вас зовут... В растворенные настезь окна доносились крики. Я услышала свое имя. Меня подняли на руки и поставили на окно. Внизу, на площади была толпа. Люди кричали мне теплые слова приветствий.

Была белая ленинградская ночь... Я вспомнила такую же светлую ночь 1928 года. Тогда мы с Галей Улановой только вступали в артистическую жизнь. Теперь она у меня закончилась. Закончилась, чтобы начаться заново в работе с молодыми актерами.

На снимках: Татьяна Михайловна Вечеслова в спектаклях «Бахчисарайский фонтан» и «Медный всадник».

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ балет кажется мне самым радостным и праздничным. Люди любят балет, но они не знают, как сложно, подчас мучительно рождается и расцветает его красота. Методичный, каждодневный, доводящий до полного изнеможения труд — вот что поднимает артиста на вершину искусства. И чем тяжелее восхождение на гору, тем больше потом ценишь открывшуюся взору даль горизонта, тем легче дышит сверху, откуда виден весь мир...

Когда достигнута вершина мастерства, зритель видит балет предельно законченным, легким, невесомым, словно и не было позади никакого труда. Вот взял и затанцевал человек — как просто! Есть еще одно свойство нашего искусства, выделяющее его среди других. Век балетного актера короток, и в этом безжалостность нашей профессии.

У актера драмы с возрастом совершается переход на другое амплуа, его деятельность в театре может даже расширяться. У балетного актера, едва он достигает зрелости, наступает сценический закат. Это неумолимо и горько.

Но как почувствовать тот час, когда нужно покинуть сцену? Где эта непостижимая грань перехода? Почему сегодня еще можно танцевать, а завтра уже нельзя? Никто не сможет дать точного ответа. Актер обязан решить это сам, наедине со своей художественной совестью.

Татьяна ВЕЧЕСЛОВА